

Харуки МУРАКАМИ

ДЭНС, ДЭНС, ДЭНС

1.

Март 1983 г.

Мне часто снится отель “Дельфин”.

Во сне я принадлежу ему. По какому-то странному стечению обстоятельств я – его часть. И свою зависимость от него там, во сне, я ощущаю совершенно отчетливо. Сам отель “Дельфин” в моем сне – искаженно-вытянутых очертаний. Очень узкий и длинный. Такой узкий и длинный, что вроде и не отель, а каменный мост под крышей. Фантастический мост, который тянется из глубины веков до последнего мига Вселенной. А я – элемент его мощной конструкции... Там, внутри, кто-то плачет чуть слышно. И я знаю – плачет из-за меня.

Отель заключает меня в себе. Я чувствую его пульс, ощущаю тепло его стен. Там, во сне, я – один из органов его огромного тела...

Такой вот сон.

Открываю глаза. Соображаю, где я. И даже говорю вслух. “Где я?” – спрашиваю сам себя. Вопрос, лишенный всякого смысла. Задавай его, не задавай – ответ всегда известен заранее. Я – в своей собственной жизни. Вокруг – моя единственная реальность. Не то чтобы я желал их себе такими, но вот они – мои будни, мои заботы, мои обстоятельства. Иногда со мной рядом спит женщина. Но в основном я один. Ревущая скоростная магистраль за окном, стакан у подушки (с полпальца виски на доньшке), да идеально соответствующий обстановке – а может, и просто ко всему безразличный – пыльный утренний свет. За окном – дождь. Когда с утра дождь, я не сразу вылезаю из постели. Если в стакане осталось вчерашнее виски – допиваю его. Наблюдаю за каплями, срывающимися с карниза за окном, и думаю об отеле “Дельфин”. Вытягиваю руку перед собой. Ощупываю лицо. Убеждаюсь: я – сам по себе, никакому отелю не принадлежу. Я НИЧЕМУ НЕ ПРИНАДЛЕЖУ. Но ощущение из сна

остается. Там, во сне, попробуй я вытянуть руку вот так же – и огромное здание заходило бы ходуном. Точно старая мельница, к которой заново подвели воду, закрипело бы оно, заворачало вал за валом, шестеренку за шестеренкой – и всем корпусом до последнего гвоздя отозвалось бы на мое движение. Если прислушаться – можно даже различить, в какие стороны этот скрип разбегается... Я прислушиваюсь. И различаю чьи-то сдавленные рыдания. Из крошечного мрака доносятся они еле слышно. Кто-то плачет. Тихо и безутешно. Плачет и зовет меня.

Отель “Дельфин” действительно существует. Притулился на углу двух убогих улочек в Саппоро. Несколько лет назад я прожил там целую неделю. Нет – попробую вспомнить точнее. Восстановить все в деталях... Когда это было? Четыре года назад. Еще точнее – четыре с половиной. Мне тогда не было и тридцати. Мы поселились там на пару с подругой. Собственно, она-то все и решила. Вот, говорит, здесь и поселимся. Дескать, мы просто должны поселиться именно в этом отеле – и ни в каком другом. Не потребуй она – мне бы и в голову не пришло останавливаться в таком странном месте.

То был обшарпанный, богом забытый отелишко: за неделю нашего пребывания там я встретил в фойе всего двух или трех посетителей – да и о них было крайне трудно сказать, живут они здесь или забежали на пять минут по делам. Судя по тому, что на доске за конторкой портье кое-где недоставало ключей, постояльцы у отеля “Дельфин” все же имелись. Немного. Совсем чуть-чуть. А поскольку телефон отеля мы нашли в справочнике большого города, подозревать, будто здесь вообще никто не останавливается, было бы просто странно. Но если кроме нас двоих здесь и жили какие-то постояльцы – надо полагать, существа это были страшно робкие и забитые. Видеть мы их не видели, слышать не слышали и никакого их присутствия не ощущали. Разве только порядок ключей на доске у портье менялся день ото дня. Видимо, даже по коридорам они передвигались бледными тенями, затаив дыхание и прижимаясь к стенам. Лишь изредка тишину в здании нарушало гроыхание старого лифта; но лифт замирал – и тишина наваливалась еще тяжелее, чем прежде...

Совершенно мистическое заведение.

При взгляде на него мне всегда казалось, будто передо мной – ошибка мировой эволюции. Жертва зашедших в тупик генетических

трансформаций. Уродливая рептилия, чей биологический вид долго мутировал в ошибочном направлении – слишком долго, чтобы теперь меняться обратно. В результате же все особи этой ветви повymiрали, лишь одна осталась в живых – и громоздилась теперь, сиротливая и неприкаянная, в угрюмых сумерках нового мира. Жестокого мира, где даже Время отсеклось от нее. И обвинять в этом некого. Нет виноватых – и совершенно нечем помочь. Потому что с самого начала не надо было устраивать здесь отель. С этого, самого главного промаха все и пошло вкривь да вкось. Как сорочка, которую застегнули не на ту пуговицу, и она совсем немного перекосилась. Любые попытки исправить этот маленький перекося приводят к такому же легкому, почти элегантному беспорядку еще где-нибудь. И так, понемногу, вся сорочка оказывается перекошенной, с какой стороны ни смотри... Бывает на свете такая особая перекошенность. Если часто смотреть на нее, голова привыкает непроизвольно клониться вбок. Вроде никаких неудобств: наклон очень слабый, всего в несколько градусов. Легкий, естественный наклон головы. Привыкнешь – и можно вполне уютно жить на свете. Если, конечно, не обращать внимания на то, что весь остальной мир воспринимается под наклоном...

Именно таким был отель “Дельфин”. Его убогость, как и обреченная готовность в любую секунду провалиться сквозь землю от всех нелепостей, скопившихся в нем за десятки лет, бросались в глаза любому. Жутко тоскливое заведение. Тоскливое, как колченогая псина под январским дождем. Конечно, на свете нашлось бы немало отелей еще тоскливее этого. Но даже поставленный с ними в ряд, отель “Дельфин” смотрелся бы по-особому. Тоска была заложена уже в самом проекте здания. И от этого становилось тоскливей вдвойне.

Стоит ли говорить – за исключением бедолаг, попавших сюда по ошибке или неведению, трудно было найти человека, который поселился бы в отеле “Дельфин” добровольно.

На самом деле, отель назывался несколько иначе. **“Dolphin Hotel”** – вот как это звучало официально. Но образ, рождаемый таким названием в моей голове, настолько отличался от того, чем приходилось довольствоваться в реальности (при словах **“Dolphin Hotel”** мне представляется роскошный сахарно-белый отель где-нибудь на побережье Эгейского моря), – что я про себя называл его просто “отель Дельфин”. Как бы в отместку вывеске **“DOLPHIN HOTEL”**, висевшей у входа. Без вывески догадаться о том, что

перед вами отель, было бы невозможно. Но даже с вывеской здание никак не выглядело отелем. Больше всего оно напоминало музей. Хранилище каких-то особенных знаний, куда тихонько, чуть не на цыпочках, заходят особенные посетители и со специфическим любопытством в глазах разглядывают экспонаты, ценность которых понятна лишь специалисту...

Не знаю, казалось ли так же кому-нибудь, кроме меня. Но, как я выяснил позже, такое впечатление оказалось не просто полетом моей фантазии. На одном из этажей здания действительно располагался архив.

Кто же захочет селиться и жить в таком месте? В музее с полуистлевшим хламом неизвестного назначения? В лавке старьевщика, где мрачные коридоры заставлены бараньими чучелами, в воздухе пыльными клочьями плавают овечья шерсть, а стены завешаны порыжевшими фотографиями? В мрачном склепе, где даже мысли людей, не найдя себе применения, скопились засохшей грязью во всех углах?

Вся мебель в отеле повыщвела, столы шатались, и ни одна дверь не запиралась как следует. Лампы едва горели – в коридорах висел густой полумрак. Вода из свинченных кранов в туалетах текла не переставая. Ожиревшая горничная (ноги как у слона) бесцельно шаталась по коридорам, чахоточным кашлем напоминая миру о своем существовании. Управляющий отелем, средних лет мужчина с жалобными глазами, самолично просиживал с утра до ночи за конторкой в фойе, и на руке у него недоставало двух пальцев. На его лице было ясно написано: за какое дело бы он ни взялся, ничего хорошего не получится никогда. То был классический представитель племени неудачников. Как если бы его поквасили сутки-другие в бочке с чернилами, затем отпустили – и, как бедняга ни пытался потом отмыться, злая Карма ошибок, провалов и хронического невезения въелась в кожу голубовато-унылым оттенком и навеки осталась с ним. Этого типа явно стоило посадить под стекло и показывать школьникам на уроках естествознания. Под табличкой: “Человек, Безнадежный Во Всех Отношениях”. Одним своим видом он вызывал у посетителей жалость – а некоторых, уверен, и раздражал (бывают люди, которые злятся, когда нужно кого-то жалеть)...

Ну, кому взбретет в голову здесь селиться?

Но мы поселились. “Мы просто обязаны здесь поселиться!” – уговорила

меня подруга. И вскоре исчезла. Как сквозь землю провалилась, оставив меня одного. Об этом мне сообщил Человек-Овца. “Девчонка ушла, – сказал он. – Девчонка должна была уйти”... Теперь-то я понимаю, что все это значило. Ее главной задачей было сделать так, чтобы я пришел сюда добровольно. И она блестяще сыграла свою роль. Роль указки Судьбы. Как реки Молдавии. Куда по ним ни сворачивай – все равно выплываешь к морю... Лежу и думаю об этом, глядя на дождь за окном. Думаю о Судьбе.

С тех пор, как у меня начались эти странные сны, по утрам в голове так и вертится мысль о пропавшей подруге. С каждым утром все отчетливей кажется, будто я снова ей нужен – и что она зовет меня. Иначе с чего бы мне снился отель “Дельфин”?

“Подруга”... Я ведь даже имени ее не знаю. Прожили вместе несколько месяцев – а я так и не знаю о ней ни черта. Знаю лишь, что работала “девушкой по вызову” в дорогом ночном клубе. Элитарном клубе – с членской системой и респектабельными клиентами. Шлюхой высшей категории. И кроме этого еще подрабатывала в нескольких местах. Днем правила тексты в небольшом издательстве, да время от времени подряжалась фототомоделью для рекламы женских ушей. Словом, жила очень наполненной жизнью. И, конечно, без имени никак не могла. Скорее всего, у нее было даже несколько разных имен. И в то же время – ни одного. На ее вещах – а она, понятно, старалась носить с собой только самый минимум – имени хозяйки не значилось. Ни проездного билета, ни водительских прав, ни кредиток я никогда у нее не видел. Постоянно с собой она носила только миниатюрный блокнотик, куда тоненькой ручкой заносила какую-то невразумительную цифирь – коды-шифры, понятные лишь ей одной. Во всей ее жизни со мной было совершенно не за что зацепиться... Не знаю: может, у шлюх тоже есть имена. Вот только живут они в том измерении, где имен не бывает.

Как бы там ни было – мне почти ничего о ней не известно. Откуда приехала, когда родилась, сколько лет на самом деле – не имею ни малейшего представления. Как мимолетный дождик, она появилась вдруг – и так же внезапно исчезла. Оставив лишь воспоминания...

Но в последнее время воспоминания эти становятся что-то слишком реалистичными. Странные вещи мерещатся мне. Будто это она, подруга, зовет меня из отеля “Дельфин” в моем сне. Будто я снова ей нужен. Но

повстречаться мы можем, только если я приеду в отель. Там, в отеле “Дельфин”, она плачет и ждет меня.

Наблюдаю за каплями. Прислушиваюсь к себе. Я чему-то принадлежу... Кто-то плачет и ждет меня... И то, и другое воспринимается очень издалека. Словно происходит где-нибудь на Луне. Что ни говори, а сны – это сны. Как ни беги за ними вдогонку – не добежишь, не дотянешься.

Да и с чего бы кому-то из-за меня так убиваться?

И все-таки. Все-таки она меня ждет. Там, в одной из комнат отеля. Я и сам в душе хочу, чтобы так было. Я тоже хочу принадлежать ему – странному дому, в котором переворачиваются судьбы людей...

Однако вернуться в отель “Дельфин” – задача не из простых. Заказать по телефону номер, купить билет, прилететь в Саппоро – если бы все сводилось лишь к этому! Проблема поездки в отель “Дельфин” – в самом отеле “Дельфин”. Вернуться туда – значит встретиться с теньями Прошлого. При одной мысли об этом я впадаю в меланхолию. Четыре года я, как мог, разгонял вокруг себя эти холодные мрачные тени. Но стоит вернуться в отель – и псу под хвост полетит вся та жизнь, которую я выстроил заново за эти четыре года, начав с нуля.

С другой стороны, не так уж и много я выстроил... Как ни смотри, почти все – бессмысленный мусор, хлам для уютного прозябания...

И все-таки – я сделал все, что мог. Собрал этот хлам, подогнал половчее к реальности и к себе, слепил из своих куцых ценностей новое бытие... И что теперь – обратно в прежнюю жизнь без кола без двора? Распахнуть окно – и повыкидывать все к чертовой матери?

Хотя, в конечном итоге – лишь так и сможет начаться что-нибудь новое. Уж это я понимаю. Лишь так, и никак иначе...

Все еще лежа в кровати, я уставился в потолок и глубоко вздохнул. Плюнь, сказал я себе. Расслабься. Ни к чему эти рассуждения не приведут. То, что с тобой происходит, сильнее тебя. Рассуждай, не рассуждай – а начнется все именно с этого... Таков порядок. Хоть тресни.

* * *

Пора, наконец, представиться.

“Несколько слов о себе”...

В школе, помню, частенько приходилось этим заниматься. Из года в год, когда набирался новый класс, все выстраивались в линейку, и каждый по очереди выходил вперед и рассказывал о себе, как умеет. Я никогда не мог этого делать как следует. И дело тут даже не в умении. Само занятие казалось полным бредом. Что я вообще могу знать о себе? Разве то, каким я себя представляю, – настоящий я? Если собственный голос, записанный на магнитофонную пленку, получается странным, чужим – что говорить о картинках, которые мое воображение рисует с меня, перекраивая, извращая мою натуру, как ему заблагорассудится?.. Подобные мысли всю жизнь копошились у меня в голове. И всякий раз, когда я знакомился с кем-то, и приходилось рассказывать “что-нибудь о себе”, я чувствовал себя точно двоечник-прохиндей, исправляющий отметки в классном журнале. Колоссально неуютное ощущение... Поэтому я всегда старался не рассказывать о себе ничего, кроме голых фактов, которые не нужно ни комментировать, ни объяснять (“держу собаку”; “люблю плавать”; “ненавижу сыр”; и так далее), – но в итоге мне все равно продолжало мерещиться, будто я рассказываю какие-то придуманные вещи о несуществующем человеке. И когда в таком состоянии я слушал рассказы других – казалось, что они тоже болтают не о себе, а о ком-то третьем. Что все мы живем в придуманном мире и дышим придуманным воздухом...

И все-таки – придется что-нибудь рассказать... Только так все и может начаться – с болтовни о себе. С этого первого шага. Удачно ли, нет – рассудим после. Я сам рассужу, другие рассудят – сейчас неважно. Сейчас я должен болтать о себе. И при этом – помнить, о чем болтаю...

Сыр я теперь люблю. Когда полюбил – не помню; как-то само полюбилось. Собака моя простудилась под дождем и умерла от воспаления легких, когда я пошел в последний класс школы. С тех пор собак не держу. А плавать люблю и сегодня. Спасибо за внимание...

Но в том-то и беда: в реальной жизни так легко не отделаешься. Когда

требуешь чего-то от жизни (а кто из нас от нее не требует?) – жизнь автоматически запрашивает в ответ целую кучу дополнительной информации. Для построения расчета необходимо ввести больше данных. Иначе ответа не будет.

ДАННЫХ НЕДОСТАТОЧНО. ОТВЕТ НЕВОЗМОЖЕН. НАЖМИТЕ КЛАВИШУ СБРОСА.

Нажимаю на “сброс”. Экран пустеет. Люди в аудитории принимаются швырять в меня чем попало. “Болтай! Еще болтай о себе!..” Учитель недовольно сдвигает брови. Потеряв дар речи, я каменею у классной доски.

Нужно болтать. И как можно дольше. Удачно ли, нет – разберемся потом...

* * *

Иногда она приходит и остается на ночь. Утром завтракает вместе со мной, уходит на работу – и уже не возвращается. Имени у нее нет. Все-таки она – не главная героиня этой истории. Очень скоро она навсегда исчезнет из повествования, и, чтоб не запутывать себя и других, я не буду давать ей имя. Но я не хочу, чтобы думали, будто я ею пренебрег. Мне она нравилась всегда, и даже теперь, когда она исчезла из моей жизни навеки, нравится ничуть не меньше.

В каком-то смысле мы с ней – друзья. По крайней мере, у нее есть все основания считать себя моим единственным другом. За исключением редких визитов ко мне, она живет с постоянным любовником. Работает в телефонной компании – составляет на компьютере счета за телефонные разговоры. Подробнее о работе я не спрашивал, она не рассказывала. Но, думаю, что-нибудь в этом роде. Подсчитывает, кто сколько наговорил по телефону, выписывает квитанции и рассылает абонентам. Так что свои телефонные счета я всегда вынимаю из почтового ящика так, будто получил интимное письмо.

Совершенно отдельно от своей основной жизни она спит со мной. Два – ну, может, три раза в месяц. Меня она считает “человеком с Луны” или кем-то вроде этого. “Эй! А ты разве не вернешься к себе на Луну?” – хихикает она тихонько. В постели нагишом, всем телом прижимаясь ко мне. Сосками маленьких грудей упираясь мне в ребра. Так мы болтаем каждый раз, когда ночью вдвоем. За окном – несмолкающий гул магистрали. По радио – монотонный шлягер “Хьюмэн Лиг”. “Лига Людей”... Ну и названьице! Какого черта так называть музыкальную группу? Все-таки раньше люди называли свои группы куда приличнее: “Импириэлз”, “Сьюпримз”, “Фламингоуз”, “Фэлконз”, “Импрешнз”, “Дорз”, “Фор Сизонз”, “Бич Бойз”¹...

Я говорю ей об этом. Она смеется. Странный я, говорит. Что во мне странного – не понимаю. Сам я считаю себя нормальным человеком с самыми обычными мыслями в голове... ХЬЮМЭН ЛИГ!

– Ужасно люблю, когда мы вдвоем, – говорит она. – Иногда бывает – так захочу к тебе, прямо сил нет! На работе, например...

– Хм...

– Иногда, – подчеркивает она. И потом молчит с полминуты. Заканчивается “Хьюмэн Лиг”, начинается что-то незнакомое. – Вот в чем проблема-то... **Твоя** проблема, – продолжает она. – Мне, например, страшно нравится, когда мы вот так... Но быть с тобой каждый день с утра до вечера почему-то не хочется... Отчего бы, а?

– Хм, – повторяю я.

– То есть, ты меня ни в чем не стесняешь, все в порядке. Просто... Когда я с тобой, воздух вокруг становится каким-то тонким... разреженным, да? – Как на Луне.

– Что ж. Вот такой он, запах моей родины...

– Эй! Я не шутки шучу! – Она привстает на постели и заглядывает мне в лицо. – Я, между прочим, все это для тебя говорю... Много у тебя в жизни людей, которые бы говорили с тобой о тебе?

– Нет, – отвечаю я искренне. Кроме нее, больше нет никого.

Она снова ложится и прижимается грудью ко мне. Я ласкаю ей спину ладонью.

– В общем, вот так. Воздух с тобой очень тонкий. Как на Луне, – повторяет она.

– На Луне воздух вовсе не тонкий, – возражаю я. – На Луне вообще воздуха нет. Так что...

– Очень тонкий!.. – шепчет она. Может, не слышит, что я говорю, может, просто не хочет слышать – не знаю. Но от ее шепота мне неуютно. Черт знает, почему. Есть в нем что-то тревожное. – А иногда и совсем истончается... И тогда ты дышишь вовсе не тем же воздухом, что я, а чем-то другим... Мне так кажется.

– Данных недостаточно... – бормочу я.

– В смысле – я о тебе ничего не знаю? Ты об этом, да? – спрашивает она.

– Да я и сам о себе ничего не знаю! – говорю я. – Ну, правда! Я не в философском смысле, а в самом буквальном... Общая нехватка данных, понимаешь? По всем параметрам...

– Но тебе уже тридцать три, так?

Ей самой – двадцать шесть.

– Тридцать четыре, – поправляю я. – Тридцать четыре года два месяца.

Она качает головой. Потом выбирается из постели, подбегает к окну и отдергивает штору. За окном громоздятся бетонные опоры скоростной магистрали. В предрассветном небе над ними – белый череп луны.

Она – в моей пижаме.

– Эй, ты! Возвращайся к себе на Луну! – изрекает она, указуя пальцем на небеса.

– С ума сошла? Холодно же! – говорю я.

– Где? На Луне?

– Да я о тебе говорю! – смеюсь я. На дворе февраль. Она стоит у самого подоконника, и я вижу, как ее дыхание превращается в белый пар. Кажется, лишь после моих слов она замечает, что мерзнет.

Спохватившись, она миглом запрыгивает обратно в постель. Я обнимаю ее. Пижамы на ней – холодная просто до ужаса. Она утыкается носом мне в шею. Нос ее тоже как ледышка.

– Уж-жасно тебя люблю, – шепчет она.

Я хочу ей что-то ответить, но слова застревают в горле. Я очень тепло отношусь к ней. В постели – вот как сейчас – мы отлично проводим время. Мне нравится согревать ее своим телом; гладить, едва касаясь, ее длинные волосы. Нравится слушать ее дыхание во сне, а утром – завтракать с нею и отправлять ее на работу. Нравится получать по почте телефонные счета, которые, я верю, она для меня составляет; наблюдать, как она разгуливает по дому в моей пижаме на три размера больше... Вот только чувству этому

я никак не подберу определения. Уж конечно, это не любовь. Симпатией – и то не назовешь...

Как бы это лучше назвать?

Так или иначе, я ничего ей не отвечаю. Просто ни слова на ум не приходит. И я чувствую, что своим молчанием чем дальше, тем больше задеваю ее. Она не хочет, чтобы я это чувствовал, но я чувствую все равно. Просто провожу пальцами по нежной коже вдоль позвонков – и чувствую. Совершенно отчетливо. Так мы молчим, обнявшись, и слушаем песню с неизвестным названием.

Внезапно – ее ладонь у меня в паху.

– Женись на хорошей лунной женщине... Сделайте с ней хорошего лунного ребеночка... – ласково бормочет она. – Так будет лучше всего.

Шторы распахнуты, и белый череп смотрит на нас в упор. Все так же обнимая ее, я гляжу поверх ее плеча на луну. По магистрали несутся грузовики. Временами они издают какой-то недобрый треск – будто гигантский айсберг начинает раскалываться, заплыв в теплые воды. “Что же они там перевозят?” – думаю я.

– Что у нас сегодня на завтрак? – спрашивает она.

– Да ничего особенного. Как всегда. Колбаса, яйца, тосты. Салат картофельный со вчера остался. Кофе. Тебе могу сварить “кафе-о-лэ”...

– Кр-расота! – радуется она. – И яичницу сделаешь, и кофе, и тосты пожаришь, да?

– С удовольствием! – отвечаю я.

– Угадай – что я люблю больше всего на свете?

– Честно? Понятия не имею...

– Больше всего на свете, – говорит она, глядя мне прямо в глаза, – я люблю, чтоб зима, и утро такое противное, что встать нету сил; а тут – кофе пахнет, и еще такой запах, когда яичницу поджаривают с колбасой, и когда тостер

отключается – дззын-нь! – просто вылетаешь из постели, как ошпаренная!..
Понял, да?

– Ладно! – смеюсь я. – Сейчас попробуем...

* * *

Я человек не странный.

То есть, мне действительно так кажется.

Конечно, до “среднестатистического человека” мне тоже далеко. Но я не странный, это точно. С какой стороны ни глянь – абсолютно нормальный человек. Очень простой и прямой. Как стрела. Сам себя воспринимаю как некую неизбежность – и уживаюсь с нею совершенно естественно. Неизбежность эта настолько очевидна, что мне даже не важно, как меня видят другие. Что мне до того? Как им лучше меня воспринимать – их проблема, не моя.

Кому-то я кажусь глупее, чем на самом деле, кому-то – умнее. Мне же самому от этого – ни жарко, ни холодно. Ведь образец для сравнения – какой я на самом деле – тоже всего лишь фантазия, отблеск моего же представления о себе. В их глазах я действительно могу быть как полным тупицей, так и гением. Ну и что? Не вижу в том ничего ужасного. На свете не бывает ошибочных мнений. Бывают мнения, которые не совпадают с нашими, вот и все. Таково мое мнение.

С другой стороны, есть люди, которых моя внутренняя нормальность притягивает. Таких людей очень мало, но они существуют. Каждый такой человек и я – точно две планеты, что плывут в мрачном космосе навстречу друг другу, влекомые какой-то очень природной силой, сближаются – и так же естественно разлетаются, каждый по своей орбите. Эти люди приходят ко мне, вступают со мной в **отношения** – лишь для того, чтобы в один прекрасный день исчезнуть из моей жизни навсегда. Они становятся моими лучшими друзьями, любовницами, а то и женами. Некоторые даже умудряются стать моими антиподами... Но как бы ни складывалось, приходит день – и они покидают меня. Кто – разочаровавшись, кто – отчаявшись, кто – ни слова не говоря (точно кран без воды – хоть сверни, не нацедишь ни капли), – все они исчезают.

В моем доме – две двери. Одна вход, другая выход. По-другому никак. Во вход не выйти; с выхода не зайти. Так уж устроено. Люди входят ко мне через вход – и уходят через выход. Существует много способов зайти, как и

много способов выйти. Но уходят все. Кто-то ушел, чтобы попробовать что-нибудь новое, кто-то – чтобы не тратить время. Кто-то умер. Не остался – никто. В квартире моей – ни души. Лишь я один. И, оставшись один, я теперь всегда буду осознавать их отсутствие. Тех, что ушли. Их шутки, их излюбленные словечки, произнесенные здесь, песенки, что они мурлыкали себе под нос, – все это осело по всей квартире странной призрачной пылью, которую зачем-то различают мои глаза.

Иногда мне кажется – а может, как раз ОНИ-то и видели, какой я на самом деле? Видели – и потому приходили ко мне, и потому же исчезали. Словно убедились в моей внутренней нормальности, удостоверились в искренности (другого слова не подберу) моих попыток оставаться нормальным и дальше... И, со своей стороны, пытались что-то сказать мне, раскрыть передо мною душу... Почти всегда это были добрые, хорошие люди. Только мне предложить им было нечего. А если и было что – им все равно не хватало. Я-то всегда старался отдать им от себя, сколько умел. Все, что мог, перепробовал. Даже ожидал чего-то взамен... Только ничего хорошего не получалось. И они уходили.

Конечно, было нелегко.

Но что еще тяжелее – каждый из них покидал этот дом еще более одиноким, чем пришел. Будто, чтобы уйти отсюда, нужно утратить что-то в душе. Вырезать, стереть начисто какую-то часть себя... Я знал эти правила. Странно – всякий раз, когда они уходили, казалось, будто они-то стерли в себе гораздо больше, чем я... Почему всё так? Почему я всегда остаюсь один? Почему всю жизнь в руках у меня остаются только обрывки чужих теней? Почему, черт возьми?! Не знаю... Нехватка данных. И как всегда – ответ невозможен.

Чего-то недостает.

Однажды, вернувшись с собеседования насчет новой работы, я обнаружил в почтовом ящике открытку. С фотографией: астронавт в скафандре шагает по поверхности Луны. Отправителя на открытке не значилось, но я с первого взгляда сообразил, от кого она.

“Я думаю, нам не стоит больше встречаться, – писала она. – В ближайшее время я, видимо, выйду замуж за землянина”.

Лязгнув, захлопнулась дверь.

ДАННЫХ НЕДОСТАТОЧНО. ОТВЕТ НЕВОЗМОЖЕН. НАЖМИТЕ
КЛАВИШУ СБРОСА.

Пустеет экран.

Сколько еще будет так продолжаться? – думаю я. Мне уже тридцать четыре.
До каких пор все это будет со мной твориться?

Особо я не терзался. Чего уж там – ясно как день: я сам во всем виноват. Ее уход – дело совершенно естественное, и я с самого начала знал, что все этим кончится. Она понимала, я понимал. Только мы всё надеялись, что вот-вот случится какое-то маленькое, еле заметное чудо. Неуловимая случайность, которая перевернет наши жизни вверх дном... Но ничего подобного, конечно же, не случилось. И она ушла. Само собой, от ее ухода мне стало грустно. Однако мне уже приходилось испытывать эту грусть. И я нисколько не сомневался, что переживу эту грусть без труда.

Ведь я всегда ко всему привыкаю...

От такой мысли мне вдруг сделалось тошно. Будто черная желчь, разлившись внутри, подступила к самому горлу. Я встал перед зеркалом в ванной и посмотрел на себя. Так вот ты какой – Я, Который На Самом Деле... Вот и свиделись. Много же ты стер в себе... Гораздо, гораздо больше, чем казалось... Лицо в зеркале – старее, противнее, чем обычно. Я беру мыло, тщательно мою лицо и натираю кожу лосьоном. Не спеша мою руки и старательно вытираюсь новеньким полотенцем. Затем иду на кухню и, отхлебывая пиво из банки, навожу порядок в холодильнике. Выкидываю сгнившие помидоры, выстраиваю в ряд банки с пивом, проверяю содержимое кастрюль, составляю список, что купить в магазине...

До самого рассвета я просидел в одиночестве, разглядывая луну и гадая: сколько еще это будет твориться со мной? Наступит день – и я снова встречу кого-то. Все будет очень естественно – как движение планет, чьи орбиты пересеклись. И мы снова будем надеяться на какое-то чудо, каждый сам по себе, выжидать какое-то время, стирать свои души – и расстанемся, несмотря ни на что...

До каких пор?!

2.

Через неделю после того, как я получил ее открытку с луной, мне пришлось отправиться по работе в Хакодатэ. Не скажу, чтобы работа на сей раз попалась очень уж интересная, – ну, да и выбирать особо не приходилось. Почти вся моя работа, в принципе, мало чем отличается от этой.

Вообще, чем рассуждать, повезло с работой или нет, лучше залезть в эту работу по самые уши – а там уже и разницу чувствовать перестанешь. Как с волнами в акустике. На каком-то пороге частот уже не различаешь, какой звук выше, какой ниже; а стоит зайти за этот порог – не то что высоту, сам звук разобрать невозможно...

То был проект одного женского журнала: познакомить читательниц с деликатесами Хакодатэ. Мы с фотографом обследуем дюжину местных ресторанчиков, я сочиняю текст, он делает снимки. Всего материала – на пять страниц... Ну, что ж. Раз существуют женские журналы – значит, кто-то должен и репортажи для них писать. Точно так же кому-то приходится собирать мусор на улицах или разгребать на дорогах снег. Должен кто-то и дворником быть. Нравится это ему или нет...

В общем, три с половиной года я зарабатывал на жизнь такой вот псевдокультурной деятельностью. Этаким дворник от литературы.

Обстоятельства вынудили меня уйти из фирмы, которой мы заправляли вместе с напарником – моим хорошим приятелем до тех самых пор, – и после этого я целых полгода валял дурака. Заниматься чем-либо ни сил, ни желания не было. Слишком много сюрпризов подкинула мне прошедшая осень. Жена ушла. Лучший друг погиб – странной, мистической смертью. Подруга исчезла – как в воду канула, не сказав ни слова. Я встретил странных людей, которые втянули меня в странную историю... А потом все кончилось – и я провалился в тишину, беспробудней которой не слышал с рождения. Жутким духом **отсутствия всякой жизни** пропитало мою квартиру. Полгода провел я здесь, скрываясь от мира. Если не считать редких вылазок за покупками – самый минимум, лишь бы ноги не

протянуть, – днем наружу не выходил. Только перед рассветом выбирался из дома и шатался по безлюдным улицам. С появлением первых прохожих возвращался домой и ложился спать.

Ближе к вечеру просыпался, сооружал себе простенький ужин, ел, кормил консервами кошку. А после ужина садился на пол в углу – и снова, снова прокручивал в памяти прошлое, пытаюсь найти в цепи событий какой-то единый смысл. Переставляя местами отдельные сцены; отслеживая моменты, когда я своим выбором мог что-либо изменить; заново оценивая, верно ли поступил тогда-то и там-то... И так до заката. А потом – опять выбирался из дома и бродил по омертвевшему городу.

День за днем я жил так – наверное, целых полгода... Да, так и есть: с января по июнь семьдесят девятого. Книг не читал. Не раскрыл ни одной газеты. Не слушал музыку. Не включал ни радио, ни телевизор. Почти не брал в рот спиртного. Просто не появлялось желания выпить. Что происходило на свете, кто чем прославился, кто еще жив, кто помер – я понятия не имел. Нельзя сказать, что я отвергал информацию в любом виде. Просто – ничего нового знать не хотелось. То есть, я чувствовал: мир вокруг продолжает вертеться. Кожей чувствовал – даже запершись в своей конуре. Только это не вызывало у меня ни малейшего интереса. Легким беззвучным ветерком события мира обдували меня почти незаметно – и уносились прочь.

А я все сидел на полу и прокручивал в памяти прошлое. И, что удивительно, – за полгода упорного, ночи напролет, самокопания мне нисколько это не наскучило. Слишком огромным и многомерным казалось то, что случилось со мной. Слишком реальным и осязаемым. Протяни руку – дотронешься. Будто какой-то монумент громоздился передо мною в кромешной тьме. Здоровенный обелиск в мою честь... М-да, много крови тогда утекло. Одни раны затянулись со временем, другие открылись позже. И все же – полгода в своей добровольной тюрьме я сидел не затем, чтобы зализать раны. Мне просто требовалось время. Ровно полгода, чтобы собрать все случившееся в единую, прорисованную во всех деталях картину – и понять ее смысл. И я вовсе не замыкался в себе, не отрицал окружающую действительность – нет, этого не было. Обычный вопрос времени. Физического времени, чтобы восстановить себя и переродиться.

Во что именно переродиться – я решил первое время не думать. Мне казалось, что это – отдельный вопрос. И разобраться с ним можно как-

нибудь потом. А сначала необходимо встать на ноги и удержать равновесие.

Я не разговаривал даже с кошкой.

Телефон звонил – не брал трубку.

В дверь стучали – не открывал.

Иногда приходили письма.

Бывший напарник писал, что беспокоится за меня – куда я пропал, чем занят. Что письмо по этому адресу шлет наугад – вдруг я еще здесь проживаю. Если я в чем-то нуждаюсь – пусть ему сообщу. Дела в конторе идут как обычно. Вскользь упоминал общих знакомых... Я перечитывал эти письма по нескольку раз, чтобы только уяснить смысл написанного (иногда приходилось перечитывать раз по пять), – и хоронил в ящике стола.

Писала бывшая жена. Посылала мне целый список сугубо деловых поручений. И описывала их сугубо деловым языком. А под конец сообщала, что снова выходит замуж – за человека, совершенно мне не знакомого. Словно подчеркивала: “что со мной будет дальше – совершенно тебя не касается”. Стало быть, моего приятеля, что ухлестывал за ней, когда мы разводились, она тоже послала куда подальше. Ну, еще бы. Уж его-то я знал как облупленного. Так себе мужик, ничего примечательного. Играл джаз на гитаре, с неба звезд не хватал. Даже интересным собеседником его назвать трудно. Что она в нем нашла – ума не приложу. Впрочем, это уже ихотношения... “За тебя я не беспокоюсь, – писала она. – Такие, как ты, всегда в порядке, что бы с ними ни произошло. Скорее, я беспокоюсь за тех, кто с тобой еще когда-нибудь свяжется... Представь себе, в последнее время меня **беспокоят** подобные вещи”.

Я прочитал письмо несколько раз – и тоже отправил в стол.

Так понемногу текло время.

О деньгах я особенно не тревожился: на отложенные сбережения можно было тянуть примерно полгода, а кончатся – тогда и подумаю, что делать дальше.

Закончилась зима, пришла весна. Весеннее солнце наполнило мою

квартирку теплым, успокаивающим светом. Дни напролет я разглядывал проникавшие через окно лучи и замечал, как менялся их угол наклона. Весна разбудила в душе самые разные воспоминания. О тех, кто ушел. И о тех, кто умер. Я вспомнил двух девчонок-близняшек – как мы жили с ними вдвоем. В семьдесят третьем году это было. Я жил тогда рядом с полем для гольфа. Вечерами, когда солнце только начинало садиться, мы пробирались под железной сеткой ограды и долго гуляли по полю, подбирая забытые кем-то мячи. И теперь, глядя на вечернее солнце, я вспоминал тот давний пейзаж – закат над полем для гольфа...

Где они все теперь?

Пришли через вход. Ушли через выход.

Вспомнил крохотный бар, куда мы так любили ходить с моим другом, ныне покойником. Вдвоем мы проторчали там без всякого смысла невероятное количество времени. Сейчас, правда, мне кажется: то время и было самым осмысленным. Странно, ей-богу... Вспомнил старомодную музыку, что там звучала. Тогда мы с ним только заканчивали школу. А в баре том могли пить пиво и курить сколько влезет. И, понятно, без этого заведения просто жизни себе не представляли. Ну и, конечно, все время разговаривали о чем-то. О чем – хоть убей, не помню. Помню, что разговаривали, и все.

Теперь он умер.

Попал в переплет, слишком много взвалил на себя – и поплатился жизнью.

Пришел через вход – и ушел через выход.

Весна разгоралась. Изменился запах у ветра. Новыми оттенками заиграла тьма по ночам. Звуки отдавались непривычным эхом в ушах. С каждым днем все отчетливей пахло летом.

В конце мая сдохла кошка. Совершенно внезапно – без всяких предварительных симптомов. Проснувшись однажды утром, я нашел ее на кухне – лежала в углу, свернувшись калачиком, и уже не дышала. Наверно, и сама не заметила, как умерла. Ее тело наощупь напомнило мне вареную курицу из холодильника, а шерсть казалась грязней, чем при жизни. Кошку звали Селедка. Жизнь она прожила, что и говорить, не очень счастливую. Никто ее не любил, да и сама никого особенно не любила. В глаза людям

смотрела всегда с какой-то тревогой. Таким взглядом, будто хотела сказать: “ну вот, сейчас опять что-нибудь потеряю...” Вряд ли на свете найдется еще одна кошка с такими глазами. И вот – сдохла. Сдохни всего один раз – и больше никогда ничего не потеряешь. В этом, надо признать, большое достоинство смерти.

Я сунулдохлую кошку в бумажный пакет из супермаркета, бросил на заднее сиденье, сел за руль, поехал в магазин и купил лопату. Вернувшись в машину, нашарил по радио музыкальный канал – и под ритмы поп-музыки, которую не слушал уже тысячу лет, отправился по шоссе на запад. Музыка большей частью играла какая-то бестолковая: “Флитвуд Мэк”, “АББА”, Мелисса, “Манчестер”, “Би-Джиз”, “Кей-Си энд зэ Саншайн Бэнд”, Донна Саммер, “Иглз”, “Бостон”, “Коммодорз”, Джон Денвер, “Чикаго”, Кенни Логгинз... Эта музыка легко просачивалась в мозги – и растворялась бесследно, как пена. **Полная лажа**, подумал я. Ходовой товар разового употребления. Модная жвачка, ради которой выворачивают карманы миллионы тинэйджеров...

Подумав так, я снова впал в меланхолию.

Просто сменилось поколение. Вот и все.

Стиснув руль, я попробовал вспомнить какие-то примеры **полной лажив** той музыке, что звучала, когда подростком был я... Нэнси Синатра – вот уж было дерьмо!.. “Манкиз” – ничуть не лучше. Да у того же Элвиса можно найти целую кучу совершенно бездарных вещей... Еще было такое чудо света по имени Трини Лопес. От большинства завывалок Пэта Буна во рту возникал привкус мыла. Фабиан, Бобби Райделл, Анетт... Ну и в самом конце списка, конечно же, “Херманз Хермитс”. Вот уж где полная катастрофа...

Название за названием, в голове мельтешили **лажовые** английские банды. С волосами до задницы, в кретинских костюмах. Сколько я еще вспомню? “Ханикамз”, “Дэйв Кларк Файв”, “Джерри энд Писмэйкерз”, “Фредди энд Дримерз”... “Джефферсон Эйрплэйн” с голосами окоченевших трупов. Том Джонс – от одного имени по телу судороги. И с ним его тошнотворный двойник Энгельберт Хампердинк. И еще эта парочка – Херб Альперт и Тиффана Брасс: каждый мотивчик – как проигрыш для рекламы зубной пасты. Лицемеры Саймон с Гарфанклом. Неврастеники “Джексон Файв”...

Все, все то же самое.

Ничто не меняется. Всегда, всегда, всегда – порядок вещей на свете один и тот же. Ну, разве что номер у года другой, да новые лица взамен ушедших. Бестолковая музыка разового употребления существовала во все времена – и в будущем вряд ли исчезнет. Все эти “изменения” постоянны, как фазы старушки-Луны.

Очень долго я гнал машину, рассеянно думая про все это. По радио вдруг выдали “Роллинг Стоунз” – **“Brown Sugar”** [2](#). Я невольно улыбнулся. Это была добрая песня. “Как раз то, что надо”, – пронеслось в голове. **“Brown Sugar”** была суперхитом, кажется, в семьдесят первом... Я попробовал вспомнить точнее год, но не смог. Да и черт с ним, какая разница. Семьдесят первый или семьдесят второй – сегодня это уже не имеет никакого значения. Какой, вообще, смысл задумываться об этом всерьез?

Забравшись поглубже в горы, я съехал с трассы, отыскал подходящую рощицу и похоронил там кошку. Выкопал на опушке яму в метр глубиной, положил на дно Селедку в бумажном пакете – и засыпал землей. Прости, сказал я ей напоследок, но на большее нам с тобой рассчитывать не приходится. Все время, пока я рыл яму, неподалеку пела какая-то птица. Высоко и протяжно, точно играла на флейте.

Заровняв могилку, я спрятал лопату в багажник и вырулил обратно на шоссе. Затем опять включил радио – и погнал машину в сторону Токио.

Ни о чем не думалось. Я просто слушал музыку – и все.

Сперва играли Род Стюарт и “Дж. Гайлз Бэнд”. Потом ведущий объявил “кое-что из олдиз”. Оказалось – Рэй Чарльз, **“Born to Lose”**. Очень грустная песня. **“Я рожден для потерь, – пел старина Чарльз, – и теперь я теряю тебя”**... Мне вдруг и правда стало смертельно грустно. Прямо чуть слезы не выступили. Иногда так бывает со мной. Какая-то случайность ни с того ни с сего задевает самую тонкую струнку души... Я выключил радио, остановился у ближайшей заправки, зашел в ресторанчик и заказал овощных сэндвичей с кофе. Потом в туалете долго отмывал перепачканные землей руки. Из трех сэндвичей я съел лишь один, зато выпил две чашки кофе.

Как там моя Селедка, подумал я. Там, в яме, наверное, темно – хоть глаз

выколи, подумал я. И вспомнил, как комья земли ударялись о бумажный пакет... Что делать, подруга. Такой финал – самый подходящий для нас. И для тебя, и для меня.

Целый час я просидел в ресторане, упершись взглядом в тарелку с сэндвичами. Ровно через час подошла официантка в фиолетовой юбке и вышколенно-вежливо осведомилась, можно ли забрать тарелку. Я молча кивнул.

Ну что, сказал я себе наконец.

Пора возвращаться в мир.

3.

В таком гигантском муравейнике, как наше Общество Развитого Капитализма, найти работу, в принципе, не очень сложно. Если, конечно, не слишком привередничать насчет ее рода и содержания.

В конторе, которой я раньше заведовал, мы постоянно редактировали тексты; кроме того, часто приходилось пописывать самому. И в бизнесе этом у меня еще оставались какие-то связи. Так что подрядиться куда-нибудь журналистом-внештатником, чтобы только покрыть расходы на жизнь, для меня труда не составляло. Не говоря о том, что жизнь моя вообще-то и не требует особых житейских расходов.

Отыскав записную книжку, я позвонил по нескольким номерам. У каждого собеседника я прямо спрашивал, не найдется ли для меня какого-нибудь занятия. Дескать, по ряду причин я исчезал ненадолго из виду, но теперь, если возможно, хотелось бы поработать. Как я и ожидал, мне сразу подкинули несколько “горящих” заказов. Не ахти каких серьезных, конечно. Так, позатыкать случайные дыры в бесконечном потоке рекламы. Мягко выражаясь – большинство текстов, что мне давали, глубиной смысла не отличались и вряд ли вообще были кому-то нужны. Организованный перевод бумаги и чернил на дерьмо. И потому я тоже, особенно не напрягаясь, почти механически выполнял один заказ за другим. Первое время работы было немного. Трудился я не дольше двух часов в день, а все остальное время шлялся по городу и смотрел кино. Посмотрел просто невероятное количество фильмов. Так продолжалось, наверное, месяца три. Достаточно, чтобы свыкнуться со странной мыслью: “худо ли бедно, я все же участвую в жизни этого общества”.

Все изменилось с началом осени. Работы вдруг резко прибавилось. Телефон мой теперь надрывался с утра до вечера, а приходившие письма едва умещались в почтовом ящике. Заказчики уже приглашали меня отужинать и вообще обращались со мной очень ласково, обещая в ближайшее время подкинуть чего-нибудь еще.

Почему так вышло – догадаться несложно. Принимая заказы, я не

привередничал, брал, что дают. Работу всегда выполнял чуть раньше назначенных сроков. Никогда ни на что не жаловался. Плюс – отличался хорошим почерком. Ну, и вообще аккуратничал в мелочах. Даже там, где мои коллеги обычно не утруждали себя, доводил все до филигранности. И когда мало платили, не скривил физиономии ни разу. Разбуди меня в два часа ночи и скажи: **“К-шести-утра-двадцать-страниц-по-четыреста-знаков-срочно!”** – я сяду за стол и уже к половине шестого напишу все, что требуется. На какую угодно тему – будь то “преимущества механических часов”, “привлекательность сорокалетних женщин” или “незабываемые достопримечательности города Хельсинки” (в котором я, разумеется, никогда не бывал). Ну, а велят переписать – ровно к шести еще и перепишу все заново... Чего уж удивляться, что репутация моя только росла.

Очень похоже на разгребание снега лопатой.

Снег все сыплет и сыплет – а я методично разгребаю его и раскидываю по обочинам.

Ни жажды славы, ни желания как-то отличиться на трудовом фронте. Просто: снег падает – я разгребаю. Старательно и аккуратно. Признаюсь, не раз я ловил себя на мысли, что перевожу свою жизнь на дерьмо. Но постепенно я пришел к выводу: ведь и бумага с чернилами тоже переводятся на дерьмо; и если вместе с ними переводится моя жизнь – стоит ли жаловаться на мировую несправедливость? Мы живем в Обществе Развитого Капитализма. Здесь **перевод-на-дерьмо** – высшая добродетель. Политики называют это “оптимизацией потребления”. Я называю это “переводом на дерьмо”. Мнения расходятся. Но при всей разнице мнений неизменно одно: вокруг нас – общество, в котором мы живем. Не нравится – проваливай в Судан или Бангладеш.

Ни к Судану, ни к Бангладеш я особого интереса не испытывал.

А потому молчал – и работал дальше.

Постепенно стали приходить заказы не только от рекламных агентств, но и от глянцевого журналов. Уж не знаю, почему, но в основном это были женские журналы. Понемногу я даже начал брать для них интервью и писать репортажи. Впрочем, интереснее от этого работа не стала. Как требовал сам характер этих журналов, интервьюировать, в основном,

приходилось звезд шоу-бизнеса разных калибров. А этим фруктам какой вопрос ни задай – ничего, кроме уклончивых фраз, в ответ не получишь. Все они знают, **что** отвечать, еще до того, как их спрашивают. А в самых клинических случаях через менеджера требуют предоставить им списки с вопросами – и готовят все ответы заранее. Стоит только спросить о чем-либо за пределами темы, которую предпочитает очередная семнадцатилетняя примадонна, как ее менеджер тут же встревает: “Вопрос не по теме, мы не можем на это отвечать!”... Я даже начинал всерьез опасаться: не дай бог, это чудо останется без менеджера – сообразит ли оно хотя бы, какой месяц следует за октябрем?

Само собой, называть подобный идиотизм словом “интервью” язык не поворачивался. И тем не менее, я выкладывался на всю катушку. Сочинял вопросы, каких не встретишь в других интервью. До мелочей продумывал схему беседы. Причем старался вовсе не ради признания или чьей-либо похвалы. Просто вот так, выкладываясь на всю катушку, я испытывал хоть какое-то облегчение... Такой вот аутотренинг. Выжимаешь себя до капли. Прекрасная разминка для затекших пальцев и головы – и полный маразм с точки зрения самореализации.

Социальная реабилитация...

Никогда в жизни я еще не бывал так занят. Регулярных заказов – хоть отбавляй, плюс постоянно что-нибудь срочное. Любая работа, не нашедшая исполнителя, обязательно сваливалась на меня. Так же, как и работа особо сложная или нудная. В этом странном обществе я все больше уподоблялся городской свалке подержанных автомобилей: у кого бы ни начала барахлить колымага – все пригоняют свою рухлядь ко мне. Все что ни попадя – в мои полночные сумерки с кладбищенской тишиной.

Мало-помалу на моем счету в банке начали появляться суммы, которых я раньше и представить себе не мог; при этом я был слишком занят, чтобы их тратить. Я сдал в утиль старенькую машину, устав бороться с ее недугами, и у приятеля по дешевке приобрел “субару-леоне”. Не самой последней модели, но с довольно маленьким пробегом, а также с магнитофоном и кондиционером. Такой роскошной машины у меня раньше не было. Прикинув, что живу в неудачном районе, переехал в квартиру на Сибую. Если не обращать внимания на бесконечный гул автотрассы за окнами – жилище весьма пристойное.

Иногда по работе встречался с девчонками. С некоторыми из них переспал.

Социальная реабилитация...

Я всегда знал заранее, с какими девчонками стоит спать – а с кем не вышло бы ни черта. А также – с кем этого не следует делать ни в коем случае. С годами такие вещи начинаешь понимать подсознательно. Кроме того, я всегда чувствовал, когда пора обрывать отношения. И потому всегда все проходило гладко. Я никого не мучил – и никто не терзал меня. До дрожи в сердце, как и до ощущения петли на шее, не доводил никогда.

Серьезнее всего у меня сложилось с той девчонкой из телефонной компании. Мы познакомились на новогодней вечеринке. Оба были навеселе, весь вечер подтрунивали друг над другом, а потом поехали ко мне – и по взаимному согласию заночевали в моей постели. Природа наградила ее светлой головой и великолепной задницей. Частенько мы садились в мою “субару” и отправлялись путешествовать по окрестным городам. Порой, когда у нее появлялось настроение, она звонила и прямо спрашивала, можно ли остаться у меня на ночь. Настолько свободные, ни к чему не обязывающие отношения у меня за всю жизнь случились лишь с нею одной. Мы оба понимали, что эта связь ни к чему не ведет. Но смаковали остававшееся нам **время жизни вдвоем**, точно смертники – отсрочку исполнения приговора.

Давно уже на душе у меня не было так светло и спокойно. Мы постоянно ласкали друг друга и разговаривали полусшепотом. Мы поедали мою стряпню и дарили друг другу подарки в дни рождения. Мы посещали джаз-клубы и потягивали коктейли через соломинки. Мы никогда не ругались. Каждый всегда понимал заранее, что нужно другому. Но все это кончилось. Однажды – раз! – и оборвалось, как пленка в кинопроекторе.

После ее ухода во мне осталось гораздо пустоты, чем я ожидал. Долго еще потом глодала меня изнутри эта странная пустота. Я зависал в ней и никуда не двигался. Все проходили мимо, исчезали куда-то – и лишь я прозябал один-одинешенек в какой-то **пожизненной отсрочке...** Ирреальность, застывшая реальную жизнь.

Но даже не это было главным в моей пустоте.

Главным источником моей пустоты было то, что эта женщина мне не

нужна. Она мне нравилась. Мне было хорошо с нею рядом. Мы умели наполнять теплом и уютом то время, когда бывали вместе. Я даже вспомнил, что значит быть нежным... Но по большому счету – **потребности в этой женщине я не испытывал.** Уже на третьи сутки после ее ухода я отчетливо это понял. Она права: даже с нею в постели я оставался на своей Луне. Ее соски упирались мне в ребра – а я нуждался в чем-то совершенно другом.

Четыре года я восстанавливал утерянное равновесие. Работал как вол, корпел над каждым заказом, все выполнял безупречно – и завоевывал все большее доверие окружающих. Не скажу, чтобы многим, – но некоторым даже стал симпатичен. Мне же, разумеется, было этого недостаточно. Катастрофически недостаточно. Слишком много сил и времени ушло лишь на то, чтобы вновь оказаться на старте.

Ну вот, подумал я наконец. В тридцать четыре года я вернулся к началу пути. Что с собой делать дальше? С чего начинать?

Впрочем, думать тут было особенно не о чем. Решение уже давно густой черной тучей плавало у меня в голове. Я просто не осмеливался осуществить его, изо дня в день откладывая на потом...

Я должен вернуться в отель “Дельфин”. Оттуда все и начнется.

Там я должен встретиться с ней. С той девчонкой, шлюхой высшей категории, которая и привела меня в отель “Дельфин” в первый раз... Потому что Кики ждет меня там (читателю: теперь ей нужно дать какое-то имя. Пусть даже условное, на первое время. Я назову ее Кики. Наполовину условное имя. Сам я узнаю, что ее так зовут, несколько позже. При каких обстоятельствах – объясню потом; сейчас же просто наделю ее этим именем. Ее имя – Кики. По крайней мере, именно так в одном из уголков этого тесного мира звали ее когда-то³). Только Кики смогла бы повернуть ключ зажигания в моем заглушем моторе. Я должен туда вернуться. В комнату, из которой однажды выходят и не возвращаются. Смогу ли вернуться я – неизвестно. Но нужно попробовать. Именно с этого и начнется мой новый жизненный цикл.

Собрав вещи в дорогу, я сел за стол и за пару часов разделался с самыми горящими заказами. Потом снял трубку и отменил всю работу,

расписанную в календаре на месяц вперед. Обзвонил кого только смог – и сообщил, что семейные обстоятельства вынуждают меня на месяц покинуть Токио. Два-три редактора сперва поворчали немного, но смирились: все-таки о чем-то подобном я просил первый раз, да и сроки выполнения их заказов истекали еще не скоро. В итоге я со всеми договорился. Ровно через месяц вернусь, пообещал я, и исполню все, чего только пожелаете. После этого я сел в самолет и улетел на Хоккайдо. Произошло это в марте 1983 года.

Стоит ли говорить – одним месяцем мой “временный выход из боя” не ограничился.

4.

Наняв такси сразу на два дня вперед, я мотался с коллегой-фотографом по заснеженным улицам Хакодатэ, переезжая от ресторанчика к ресторанчику.

Репортаж у меня выходил добротный и скрупулезный. В такой работе самое главное – заранее собрать материал и составить подробный план действий. Ничего больше, если честно, и не требуется. До того, как брать интервью, я собираю всю доступную информацию. Во-первых, существуют профессиональные ассоциации, которые снабжают данными всех желающих вроде меня. Вступи в такую ассоциацию, заплати членский взнос – и больше половины репортажа, считай, у тебя в кармане. Потребовалось, допустим, “всё о деликатесах Хакодатэ” – раскопают столько, что глазам не поверишь. Из лабиринтов памяти здорового компьютера выгребут все, что хоть как-то может тебе пригодиться. Потом распечатают, вложат в красивый конверт и доставят прямо на дом. Не бесплатно, конечно, – заплатишь какую-то сумму. Но если учесть, что за эти деньги ты покупаешь силы и время, – сумма вполне терпимая.

Одновременно я сам не сижу на месте и добываю свою, альтернативную информацию. Есть ведь и туристические бюро с их рекламными проспектами. И библиотеки с периодикой. Перелопатишь всё – соберешь уйму сведений. Там я и нахожу себе подходящие ресторанчики для репортажа. Потом звоню, узнаю часы работы, когда выходные. Тем самым сберегая драгоценное время для самих интервью. Затем беру лист бумаги, составляю расписание на весь день. На карте города вычерчиваю самый короткий маршрут движения. В общем, до минимума свожу все факторы, которых не смог заранее просчитать.

После этого мы с фотографом едем в город и обходим один за другим все рестораны по списку. В целом – где-то около тридцати. К еде, понятно, всякий раз лишь притрагиваемся и с легким сердцем оставляем все на тарелках. Проба вкуса на глаз. **Оптимизация потребления...** На этом этапе мы пока скрываем, что мы репортеры. И ничего не фотографируем. Уже выйдя на улицу, обсуждаем вкус того, что попробовали – и ставим оценку

по десятибалльной шкале. Хорошо – оставляем в списке, плохо – вычеркиваем. Рассчитывая в итоге вычеркнуть больше половины. По ходу дела договариваемся с местным рекламным журнальчиком, он рекомендует нам пять-шесть ресторанов помимо нашего списка. В них тоже заглядываем. Выбираем. И уже составив окончательный список, звоним снова в каждый ресторан, сообщаем название журнала и просим разрешения на репортаж с фотосъемкой. На все это уходит два дня. Вечером в отеле я набрасываю черновик репортажа.

На следующий день фотограф быстренько делает снимки блюд, а я беседую с хозяевами заведений. Тоже на скорую руку. Таким образом, выполняем всю работу за трое суток. Конечно, есть репортеры, которые справляются с этим еще быстрее. Только они ничего не проверяют заранее. Просто обходят самые популярные места в городе – и все. Некоторые даже умудряются писать о блюдах, не пробуя их. Такие, если захотят, насочиняют что угодно – да так, что не придерешься. И, откровенно говоря, на земле едва ли найдется другой журналист, который бы выкладывался в подобных материалах, как я. Эта работа требует огромного напряжения, если хочешь выполнить ее на совесть; но если такого желания нет – можно сделать и спустя рукава. Между выполненным на совесть и сделанным спустя рукава разницы почти никакой. На первый взгляд и то, и другое кажется практически одинаковым. И только если внимательно приглядеться, замечаешь небольшие различия.

Рассказываю я все это вовсе не из стремления похвастаться. Просто хочу, чтобы стало понятно, чем я занимаюсь. И какому износу подвергаю себя каждый день.

С нынешним фотографом я не раз работал и раньше. В каком-то смысле мы схожи. Оба – профессионалы. Такая схожесть встречается у санитаров в морге: все в стерильных перчатках, у каждого маска на пол-лица, на ногах – белые туфли без единого пятнышка... Вот и у нас так же. Работаем стерильно и оперативно. Ни о чем постороннем не болтаем, уважаем работу друг друга. Ни на секунду не забываем, что этой бодягой оба зарабатываем на жизнь. Впрочем, как раз это уже не важно. Просто если уж беремся что-то делать, то делаем хорошо. И в этом смысле мы – профи.

Вечером третьего дня в отеле я дописываю репортаж.

...Четвертый, резервный день оказался у нас абсолютно свободным. Закончив работу и не представляя, чем бы еще заняться, мы взяли напрокат автомобиль, отправились за город и до самого вечера катались на лыжах. Вечер провели в кабачке за ужином и сакэ. День прошел размеренно и неторопливо. Рукопись репортажа я передал фотографу, чтобы тот увез ее в Токио: всю дальнейшую работу можно было доделать и без меня. Уже перед тем, как заснуть, я позвонил в городскую справочную Саппоро и попросил телефон отеля “Дельфин”.

Номер мне сообщили сразу.

Я сел в постели, едва дыша. Теперь хотя бы известно, что отель “Дельфин” еще не разорился. Хотя за это можно не беспокоиться. На самом деле, он мог разориться когда угодно – и никто бы не удивился. Я перевел дух и набрал записанный номер.

Трубку сняли почти мгновенно – после первого же гудка. Так, будто сидели и с нетерпением ждали моего звонка. Я даже слегка опешил. Что-то здесь явно не так. Слишком гладко, слишком профессионально.

Мне ответила молодая девица. Девица? Что за бред? Отель “Дельфин” – не из тех, где за стойкой сидят молодые девицы!

– Отель “Дельфин” к вашим услугам! – прошептала она.

Совершенно сбитый с толку, я на всякий случай уточнил адрес отеля. Прежний. Значит, наняли себе девицу? Ну, что ж. Дело хозяйское. Не стоит на этом заикливаться...

– Я хотел бы заказать у вас номер, – сказал я девице.

– Вы очень любезны. Одну секунду, соединяем вас с дежурным по размещению! – с хорошо натренированной жизнерадостностью пропела она.

Дежурный по размещению?! В голове моей началась какая-то каша. С этого момента я уже не пытался подыскать происходящему никаких объяснений.

Что же, черт побери, стряслось с отелем “Дельфин”?

– Извините за задержку, дежурный по размещению слушает! – выпалил

молодой мужской голос. Энергичный и приветливый. Образцово-показательный голос профессионала гостиничной службы.

Отогнав сомнения, я заказал одноместный номер на трое суток и продиктовал ему свои имя и номер телефона в Токио.

– Ваш заказ принят! Одноместный номер на трое суток с завтрашнего числа! – отрапортовал Дежурный По Размещению.

О чем еще спросить его, я сообразить не успел – а потому поблагодарил и в замешательстве повесил трубку. Повесив же ее, ощутил, что замешательство лишь усилилось. Какое-то время я сидел без движения, уставившись на телефон. Так и чудилось, будто сейчас кто-нибудь позвонит и объяснит мне, что происходит. Но никакого объяснения не последовало. Ладно, махнул я рукой. Будь что будет. Сам поеду и на месте во всем разберусь. Все равно ведь придется поехать. Обратной дороги нет. И выбора не остается.

Позвонив на первый этаж, я попросил у дежурного расписание поездов на Саппоро. Завтра в полдень как раз отходил один скорый. Затем я позвонил горничной, заказал в номер полбутылки скотча со льдом и стал смотреть телевизор. Шел какой-то западный боевик с Клинтом Иствудом. За весь фильм Клинт Иствуд ни разу не улыбнулся. Картина закончилась, я допил виски, погасил свет, заснул – и до рассвета не видел ни единого сна.

* * *

За окном вагона тянулись сплошные снега. Я попробовал глядеть в окно, но сразу заболели глаза. Никто из пассажиров глядеть в окно не пытался. Все знали: кроме снега, все равно ничего не увидишь.

Утром позавтракать я не успел, и потому, не дожидаясь обеда, отправился в вагон-ресторан. Заказал себе пива и омлет. За моим столиком мужчина лет пятидесяти в костюме и туго затянутом галстуке тоже пил пиво, заедая сэндвичем с ветчиной. Внешне он сильно смахивал на типичного специалиста-технаря – технарем и оказался. Первым начав разговор, он сообщил, что работает инженером в Силах Самообороны и занимается техобслуживанием военных самолетов. Потом очень подробно рассказал мне, как советские истребители и бомбардировщики нарушают наш воздушный суверенитет. При этом вопрос о незаконности действий распоясавшейся советской авиации, похоже, заботил его в самую последнюю очередь. По-настоящему его беспокоила только проблема экономичности у американского “фантома” Ф-4. Он сообщил, сколько горючего сжигает Ф-4 за один-единственный экстренный взлет.

– Это ж какое расточительство! – негодовал он. – Сколько топлива переводится на дерьмо! Да поручи они производство своих “фантомов” японским заводам – мы бы сократили им эти цифры чуть ли не вполовину! А в принципе, мы и сами запросто могли бы выпускать свои реактивные истребители-перехватчики – ничем не хуже “фантомов”! Было бы желание – хоть завтра!..

Тогда я и рассказал ему, что Перевод-На-Дерьмо – величайшее благо эпохи развитого капитализма. Япония покупает у Штатов реактивные истребители и запускает их в небеса, транжиря драгоценное топливо; благодаря этому, колесо мировой экономики совершает еще один цикл – и Развитой Капитализм развивается еще дальше в своем развитии. Если же все перестанут производить то, что нужно переводить на дерьмо, наступит Великий Хаос – и от мировой экономики останутся одни ошметки. Перевод-На-Дерьмо питает мировой порядок, мировой порядок активизирует экономику, экономика производит еще больше объектов для перевода на дерьмо... Ну, и так далее.

– Может, оно и так, – вроде бы согласился он, немного подумав. – И все-таки... Может, потому, что детство у меня на войну пришлось, когда всего не хватало... Но такого устройства общества моя душа не принимает! Нашему-то поколению – не то, что вам, молодым! – свыкнуться с такими премудростями сложновато.

Он горько усмехнулся.

Я вовсе не считал, что со всем этим свыкся, но затягивать разговор не хотелось – и я не стал возражать. Свыкнешься тут пожалуй! Мозгами понять еще получается. Но свыкнуться? Слишком большая разница между этими двумя состояниями... Я прикончил омлет, попрощался и поднялся из-за стола.

Вернувшись на свое место, я полчаса поспал, а затем до самого Саппоро читал биографию Джека Лондона, купленную в книжной лавке у вокзала Хакодате. По сравнению с яркой, полной трагедий и триумфов судьбой Джека Лондона моя собственная жизнь показалась серой и неприметной, как пугливая белка, хоронящаяся в ветках дуба в ожидании весны. По крайней мере, несколько минут мне действительно так казалось. Такая уж это штука – чужие биографии. Кому захочется читать биографию библиотекаря из городка Кавасаки, прожившего мирную жизнь и тихо помершего в своей постели? Нет – читая чужие биографии, мы словно требуем некой компенсации за то, что в наших собственных жизнях не случается, увы, ни черта...

От станции Саппоро до отеля “Дельфин” я решил добраться пешком: багажа у меня не было, только сумка через плечо, а погода стояла великолепная – ни ветерка. Тротуары были завалены грязным, счищенным с дороги снегом, и прохожие передвигались по ним с великой осторожностью, обдумывая каждый шаг. Девчонки-старшеклассницы с пунцовыми от мороза щеками галдели на всю округу; изо рта у них валил пар – такой белый и плотный, что хоть пиши на нем иероглифы. Я вышагивал по улицам, разглядывая здания и прохожих. В последний раз я приезжал в Саппоро четыре года назад; однако теперь все казалось таким незнакомым, будто я не был здесь тысячу лет.

Прошагав полпути, я зашел в кофейню, где выкурил сигарету и выпил крепкого кофе с коньяком. Вокруг меня вертелась обычная жизнь обычного

города. В углу еле слышно ворковала влюбленная парочка; бизнесмен, обложившись бумажками, корпел над какой-то цифирью; стайка студентов обсуждала предстоящий лыжный поход и последний альбом “Полис”... Стандартная картинка из повседневности любого нормального города. Наблюдай ее что здесь, что в Иокогаме, что в Фукуоке – разницы никакой. И все-таки, несмотря на такую всеобщую одинаковость (впрочем, возможно, как раз из-за нее) – именно в **этой** кофейне, именно за **этим** столиком и с **этой** чашкой в руке я вдруг ощутил особенно жуткое, прожигающее до самых костей одиночество. Мне вдруг представилось: я – совершенно чужеродное тело. Ни этому городу, ни этой повседневности я **никак не принадлежу**.

Конечно, если спросить меня, каким же кофейням я принадлежу хотя бы у себя в Токио, – я отвечу, что ни в Токио, ни где-либо еще таких мест просто нет. И все-таки – в токийских кофейнях я такого ужасного одиночества не испытываю. В токийских кофейнях я просто пью кофе, читаю книги – в общем, убиваю время, не напрягаясь. Ведь там это – часть **моей** повседневности, о которой я предпочитаю не задумываться слишком глубоко.

Здесь же, в Саппоро, я переживаю одиночество человека, высаженного на крохотном острове далеко за Полярным кругом. Всегда один и тот же пейзаж. Все выглядит так же, как на любом другом острове в этих широтах. Но если бы можно было сорвать с него покровы льда и снега – этот остров отличался бы от всех известных мне островов на Земле. Мне так кажется. Он похож – но он не такой. Как иная планета. Планета, где говорят на одном со мной языке, носят похожую одежду, где лица принимают знакомые выражения. И все-таки – что-то принципиально не так. Мир, в котором не срабатывает какой-то закон Природы. Вот только какой закон срабатывает, а какой нет, приходится раз за разом испытывать на собственной шкуре. Ошибусь хоть раз – и мне крышка: все вокруг поймут, что я инопланетянин. Все тут же повскакивают с мест и, окружив меня, начнут тыкать пальцами:

– ТЫ НЕ ТАКОЙ! – закричат они. – НЕТАКОЙ-НЕТАКОЙ-НЕТАКОЙ!!!

Рассеянно прихлебываю кофе, предаваясь подобной “мыследеятельности”.

Химеры, химеры...

Но что правда – я ведь действительно одинок. Ни с чьей реальностью не пересекаюсь. И в этом-то вся проблема. Что бы ни произошло – я всегда возвращаюсь к самому себе. Ни с кем и ни с чем не связанный.

Когда я последний раз влюблялся всерьез?

Миллион лет назад. В перерыве между Великими Ледниками. В какие-то совершенно доисторические времена – юрский период или что-то вроде. Все, что окружало меня тогда, давно исчезло с лица земли. Динозавры, мамонты, саблезубые тигры. Газовые бомбы в саду Императорского дворца. Все это кануло в Лету – и наступил Развитой Капитализм. И я остался в нем один-одинешенек.

Я заплатил за кофе, вышел на улицу – и, не думая ни о чем, зашагал напрямик к отелю “Дельфин”.

Точной дороги я не помнил, и потому слегка беспокоился, смогу ли быстро его найти. Волновался я, как оказалось, совершенно напрасно. Отель отыскался сразу. Умопомрачительный билдинг в двадцать шесть этажей сам вырос перед глазами. По-модернистски изогнутые линии стиля “Баухаус”; огромные сверкающие блоки из стекла и нержавеющей стали; широченная эстакада для заезда автомобилей, и вдоль нее – флаги чуть ли не всех стран мира; швейцары в униформе, энергичными жестами зазывающие машины гостей на парковку; стеклянный лифт, стрелой уносящий к ресторану под самой крышей... Только слепой не заметит такое! На мраморных колоннах у самого входа я еще издали разглядел рельефные изображения дельфина, а под ними – крупные буквы:

“DOLPHIN HOTEL”.

Секунд двадцать я стоял с открытым ртом, разглядывая эту громадину. И наконец вздохнул – так глубоко и протяжно, что успел бы, наверное, за это время долететь до Луны.

Я совершенно обалдел.

И это еще слабо сказано.

5.

До скончания века стоять перед отелем, разинув рот, не годилось – и я решил зайти внутрь. Все-таки адрес тот же. И название совпадает. И даже заказан номер на мое имя. Никуда не денешься – придется зайти.

По дорожке пологой эстакады я поднялся к вертушке входных дверей, толкнул ее – и ступил внутрь.

Фойе отеля напоминало огромный спортзал, потолок которого исчезал в такой вышине, что сознанием не фиксировался. Сквозь стены, полностью стеклянные, струился натуральный солнечный свет. По всему залу были расставлены дорогие диваны, а между ними в кадках буйно произрастали какие-то фикусы с мясистыми листьями. По левую руку пространство фойе перетекало в роскошный кофейный зал. Из тех кофейных залов, где закажешь сэндвичей – и тебе принесут четыре суперкачественных бутербродика, каждый размером с визитку, на здоровенном серебряном блюде. А к ним – изысканно сервированные огурчики с картофельными чипсами. Затем подадут еще чашечку кофе – и выставят счет, на сумму которого пообедала бы досыта семья из четырех человек. На огромной стене висела картина маслом метра три на четыре, пейзаж – заливные луга Хоккайдо. И хотя я не назвал бы картину шедевром, одни размеры ее внушали чувство, близкое к благоговению.

Похоже, отмечались какие-то торжества: в фойе было полно посетителей. Сразу на нескольких диванах расположилась группа мужчин, все как один – средних лет и в костюмах с иголки; оживленно беседуя, они то и дело кивали друг другу и заливисто хохотали. Что кивки головой, что манера закидывать ногу на ногу были у всех совершенно одинаковыми. Наверняка какие-нибудь врачи или преподаватели вуза. Рядом, отдельно от мужчин – или все-таки вместе? – ворковала стайка молоденьких женщин, половина из них в кимоно, половина – в платьях. Кое-где мелькали и европейские лица. В строгих костюмах, неброских галстуках и с “дипломатами” на коленях дожидались назначенных встреч бизнесмены.

Одним словом – новый отель “Дельфин” **процветал**.

Идеально Инвестированный Капитал уверенно, без сучка без задоринки **проворачивался** перед моими глазами.

Чего стоит закрутить такую махину – это я представлял хорошо. В свое время я сочинил немало рекламных текстов для целой сети первоклассных гостиниц. Когда эти люди задумывают отгрохать очередной отель – они первым делом садятся и досконально просчитывают все заранее. Они собирают толпы профессионалов, которые забивают в компьютер все данные, какие только возможны, и производят скрупулезнейшую калькуляцию. Они предсказывают объемы туалетной бумаги, потребляемой отелем за год при такой-то цене за рулон. Они нанимают студентов, расставляют их на перекрестках города и заставляют регистрировать плотность пешеходного потока каждой улицы Саппоро. Они вычисляют, сколько в этом потоке молодежи соответствующего возраста – и выводят потенциальную частоту свадеб в городе на ближайшие годы. Они прогнозируют все. Сводят риск предприятия к минимуму. Очень долго и основательно разрабатывают Генеральный План, назначают Ответственных Лиц – и, наконец, покупают землю. Вербуют персонал. Запускают шумную рекламную кампанию. Любые проблемы, которые можно решить за деньги – при условии, что эти деньги когда-нибудь да вернутся, – решают, вбабахивая в проект любые суммы... Такой вот “Большой Бизнес”.

Понятное дело – заправлять таким бизнесом может только очень мощная организация, собравшая у себя под крышей множество разных фирм. Ведь как тут ни пытайся избежать риска – всегда останется то, что предугадать невозможно. И лишь подобный **конгломерат** мог бы в случае провала раскидать все убытки между участниками и не пойти ко дну.

В общем, скажу откровенно: новый отель “Дельфин” был совершенно не в моем вкусе. И будь то обычная ситуация, я в жизни бы не поселился в таком месте за свои деньги. Чересчур дорого – и чересчур много лишнего. Но теперь делать нечего. Нравится, не нравится – а вот он, какой есть: в корне преобразившийся, **новый** отель “Дельфин”.

Я подошел к стойке регистрации и представился. Девицы в униформе небесной расцветки, словно по команде, наградили меня улыбками из рекламы зубных щеток. Как муштровать персонал до **такой** улыбочивости – отдельный секрет Искусства Оптимального Инвестирования. Фирменные блузки девиц резали глаз своей белизной, а прически смотрелись

безупречно, как у манекенов. Всего девиц было три, и одна из них – та, что подошла ко мне, – носила очки. Очень мила, отметил я про себя, и даже очки к лицу. Оттого, что подошла именно она, на душе у меня посветлело. Как-никак, из всей троицы она была самой симпатичной и понравилась мне с первого взгляда. В улыбке ее было нечто притягательное, и душа к ней сразу потянулась. Как будто именно она воплощала собой **дух отеля, которому здесь полагается быть**. Мне даже почудилось, что сейчас она взмахнет легонько волшебной палочкой, как фея в диснеевском мультике, – и прямо из воздуха появится ключ от номера в облачке золотистой пылицы...

Но вместо волшебной палочки фея воспользовалась компьютером. Настучав на клавиатуре мою фамилию и номер кредитки, она сверилась с экраном, еще раз ослепительно улыбнулась – и вручила мне ключ от номера 1532. Вместе с рекламным буклетиком, который я попросил.

И тогда я поинтересовался у нее, когда открылся этот отель.

В прошлом году, в октябре, ответила она, не задумываясь. И пяти месяцев не прошло.

– Извините... Можно вопрос? – сказал я. На моей физиономии засияла та же производственно-жизнерадостная улыбка, что и у нее (да-да, у меня тоже есть такая на крайний случай). – Раньше на этом месте стоял совсем маленький отель, который тоже назывался “Дельфин”, не так ли? Вы случайно не знаете, что с ним стало?

Идеальная Гармония ее улыбки еле заметно нарушилась. Так по зеркальной поверхности очень тихого пруда вдруг разбегутся круги от брошенной пивной пробки – и уже через секунду все застывает снова. Но когда эта улыбка застыла вновь, она была уже чуть-чуть не такой, как прежде. Я с большим интересом наблюдал за этими трансформациями. Казалось, вот-вот из воды вынырнет какой-нибудь Дух Пруда и начнет уточнять у меня, какую пробку я сейчас бросал, желтенькую или беленькую? Но никакого Духа, конечно же, не вынырнуло.

– Видите ли... – Она поправила указательным пальцем очки на носу. – Это было еще до открытия нашего отеля, поэтому... Информацией такого рода мы, как бы сказать...

Она замолчала посередине фразы. Я ждал, что она продолжит, но продолжения не последовало.

– Мне очень жаль, – только и сказала она.

– Хм-м-м! – протянул я. Чем дольше мы разговаривали, тем интереснее мне с нею становилось. Я тоже захотел поправить указательным пальцем очки на носу, но очков у меня, к сожалению, не было. – Ну хорошо, а от кого здесь я мог бы получить “информацию такого рода”?

Она задумалась на несколько секунд, задержав дыхание. Улыбка с ее лица улетучилась. Все-таки когда задерживаешь дыхание, улыбаться не получается, хоть тресни. Кто не верит – пусть сам попробует.

– Одну секунду! – вдруг сказала она и, отвернувшись, скрылась в подсобке. А через полминуты появилась вместе с типом лет сорока в строгом черном костюме. Судя по внешности, это был истинный Профессионал Гостиничного Менеджмента. По работе мне не раз доводилось встречаться с такими субъектами. Улыбка почти никогда не сходит у них с лица – но может принимать до двадцати пяти конфигураций в зависимости от обстоятельств. От холодно-вежливой – до сдержанно-удовлетворенной. Для каждой улыбки свой номер. От Номера Один – до Номера Двадцать Пять. Улыбки нужных номеров подбираются по ситуации, как клюшки для разных ударов в гольфе. Таким был и этот тип.

– Добро пожаловать! – улыбнулся он Улыбкой Человека, Разрешающего Любые Споры, и учтиво наклонил голову. Вид мой, похоже, не оправдал его ожиданий: он оглядел меня с головы до ног – и его улыбка резко сменилась другой, ранга на три пониже. На мне были: плотная охотничья куртка на меху (на груди – значок с фигуркой Кита Харинга⁴), меховая шапка (австрийская, из обмундирования альпийских стрелков), крутые походные штаны с целой дюжиной накладных карманов и крепкие сапоги-снегоходы. Все это были дорогие, добротные вещи, обладавшие совершенно реальным качеством, – **слишком**реальным для атмосферы этого отеля. Но тут уж я не виноват. Просто бывают разные стили жизни – и разные способы мышления.

– Мне сообщили, вы интересуетесь информацией о нашем отеле? – осведомился он небывало учтивым тоном.

Упершись ладонями в стойку, я спросил у него то же, что спрашивал у девицы.

– Прошу меня извинить... – произнес он, выдержав короткую паузу. – Но нельзя ли узнать, что заставляет вас интересоваться отелем, который был здесь ранее? Если это возможно, хотелось бы знать причину...

Я в двух словах объяснил. Дескать, однажды я останавливался в отеле, что был здесь раньше, и подружился с его хозяином. Теперь вот заехал его проведать, смотрю – все теперь по-другому. Хотелось бы узнать, что с ним стало. Совершенно частный, не касающийся ничего бизнеса интерес.

Мой собеседник несколько раз кивнул.

– Должен признаться, мы также не в курсе никаких подробностей на этот счет... – сказал он, осторожно подбирая слова. – Могу лишь сообщить, что земельный участок с тем... предыдущим отелем “Дельфин” выкупила наша фирма, и на месте старого здания было построено новое. Название, действительно, осталось прежним, но сам отель – совершенно другое предприятие, и ничего общего с тем, что было здесь ранее, не имеет.

– А зачем тогда оставлять название?

– Вы извините, но... Подобные детали, увы...

– И куда делся старый хозяин, вы тоже не знаете?

– Мне очень жаль, но... – ответил он, переключая лицо в режим Улыбки Номер Шестнадцать.

– Ну, а кого мне лучше об этом спрашивать?

– Как вам сказать... – Он чуть склонил голову набок. – Видите ли, мы – служебный персонал, и нас не посвящают в вопросы того, что было до открытия предприятия. Поэтому и на ваш вопрос, кого лучше об этом спрашивать, нам ответить, мягко говоря...

Его речь сохраняла железную логику, и все-таки – что-то было не так. И в его ответах, и в словах девицы чувствовалась какая-то фальшь. Не то чтобы сильно резало слух. Но и пропустить мимо ушей не получалось. Когда по

работе приходится постоянно брать у людей интервью – что-что, а чутье на такие вещи развивается само собой... Манера речи, направленной на умолчание. Выражения лиц людей, говорящих неправду. Никакими доводами этого не обоснуешь. Просто чувствуешь: от тебя что-то скрывают. И все.

Одно было ясно: больше из этой парочки не вытянуть ни черта. Я поблагодарил типа в черном. Тот легонько кивнул и скрылся за дверью подсобки. Когда он исчез, я поинтересовался у девицы системой гостиничного питания и сервисом в номерах. Она с большим усердием принялась отвечать на поставленные вопросы. Я слушал и неотрывно смотрел ей в глаза. Очень красивые глаза. Если смотреть в них долго, начинает казаться, будто видишь что-то еще. Перехватив мой взгляд, она вспыхнула. И из-за этого понравилась мне еще больше. Почему? Не знаю. Может, потому, что казалась мне **Духом Отеля “Дельфин”**? Я поблагодарил ее, отошел от стойки, вызвал лифт и отправился к себе в номер.

* * *

1523-й оказался номером хоть куда. Для одноместного – необычайно широкая кровать, на редкость просторная ванна. Холодильник забит напитками и закуской. Письменный стол – мечта графомана; ящики ломятся от конвертов и писчей бумаги. В ванной собрано все, что только возможно – от шампуня и освежителя для волос до лосьона после бритья и банного халата. Гардероб, по вместительности не уступающий отдельной комнате. Новенький ковер с мягким ворсом по самую щиколотку.

Я снял куртку, разулся, плюхнулся на диван и принялся читать рекламный буклет, полученный от девицы. Буклет уже сам по себе претендовал на шедевальность. Кто как, а уж я собаку съел на выпуске рекламных буклетов, и качество подобных изданий оцениваю мгновенно. В буклете **этого** отеля все было безупречно. Абсолютно не к чему прицепиться.

Как сообщалось в буклете, “отель “Дельфин” – гостиничный комплекс принципиально нового типа, построенный с учетом особенностей жизни современного мегаполиса. Новейшее оборудование, высококласный сервис двадцать четыре часа в сутки. Обилие свободного места привносит легкость и непринужденность в обстановку каждого номера. Концептуально подобранный интерьер вызывает ощущение домашнего очага и уюта...”

В довершение ко всему буклет гарантировал такую штуку, как “аура человечности”. Что, видимо, могло означать лишь одно: “Все это стоило нам бешеных денег, так что не удивляйтесь нашим расценкам”.

Чем больше я вчитывался, тем сильнее поражался: ей-богу, чего здесь только нет! Подземный торговый центр. Бассейн с сауной и солярием. Крытые теннисные корты, оздоровительный клуб со снарядами для шейпинга и инструкторами; зал для переговоров с синхронными переводчиками; пять ресторанов, три бара. Ночной кафетерий. Если приспичит, можно даже заказать лимузин. Офисы с оргтехникoй и канцелярскими принадлежностями – заходи кто хочешь, работай в свое удовольствие. Любые услуги, какие только можно вообразить. На крыше – площадка для вертолетов...

Нет на свете того, чего бы здесь не было.

Новейшее оборудование. Изысканный интерьер.

Что же за фирма, интересно узнать, тащит на себе всю эту махину? Я заново просмотрел весь буклет от корки до корки – однако ни единого упоминания об организации, заправляющей отелем, не обнаружил. Что за чертовщина? Ведь ясно как день: отгрохать первоклассную гостиницу и успешно управлять ее делами может только очень мощная профессиональная корпорация, владеющая целой сетью таких же отелей по всей стране. И раз уж она, эта корпорация, взялась за такое дело, то непременно должна и имя свое указывать, и рекламировать другие отели той же сети. Скажем, если вы остановились в отеле “Принс”, то вам обязательно предложат адреса и телефоны всех остальных “Принс-отелей” в стране. Это уж как пить дать.

И кроме того – за каким дьяволом этакий монстр унаследовал название задрипанного отелишки, что был здесь раньше?

Но сколько я ни думал, даже тени ответа в сознании не всплывало.

Я бросил буклет на стол, закинул ноги на диван, устроился поудобнее – и стал разглядывать пейзаж за окном пятнадцатого этажа. Но видел там лишь иссиня-голубое небо. И чем дольше я смотрел в это бездонное небо, тем крошечнее, тем бессмысленнее себя ощущал.

С ностальгической грустью вспоминал я старый отель “Дельфин”. Что ни говори, а из его окна смотреть было куда интереснее.

6.

До самого вечера я убивал время, исследуя внутренности отеля. Обошел рестораны и бары, осмотрел бассейн, сауну, оздоровительный клуб, теннисные корты; заглянул в торговый центр, где купил пару книг. Послонулся по огромному фойе, забрел в зал игровых автоматов и несколько раз помучил “однорукого бандита”. Время умирало легко, и вечер наступил почти сразу. Прямо как в Луна-парке, даже подумал я. Есть такой особенный способ убивать время.

Когда стемнело, я вышел из отеля и отправился шататься по вечернему Саппоро. Чем дальше я бродил, тем отчетливее проступала в памяти география города. Когда я останавливался в старом отеле “Дельфин”, приходилось шататься по этим улочкам изо дня в день – так долго, что хоть с тоски помирай. И уж за каким поворотом что находится я, в общем, помнил до сих пор. В том, старом отеле “Дельфин” не было даже буфета – а если бы и был, вряд ли нам захотелось бы там трапезничать, – и мы с подругой (то есть, с Кики) постоянно ели где-нибудь по-соседству. Так что на этот раз я целый час шлялся по знакомым улочкам с чувством, будто забрел в кварталы своего детства. Солнце зашло, и морозный воздух начинал пощипывать кожу. Плотный, не желающий таять снег поскрипывал под ногами. Ветра не было, гулять по улицам было приятно. Воздух очистился и посвежел, и даже кучи снега на перекрестках, пепельно-серые от выхлопных газов, поблескивали в огнях ночного города, как огромные фантастические муравейники.

Если сравнивать с прошлым, – кварталы вокруг отеля “Дельфин” преобразились. Конечно, “прошлое” в моем случае означало всего-навсего события четырехлетней давности, так что большинство заведений на улочках остались прежними. Да и общая атмосфера, по большому счету, не изменилась. Но с первой же минуты своей прогулки я ощутил: Время здесь не стояло на месте. С десятков магазинчиков оказались закрыты на реконструкцию, о чем сообщали объявления перед входом. Сразу в нескольких местах строились высотные билдинги. Драйв-ины с гамбургерами для автомобилистов, салоны с одеждой от всемирно

известных модельеров, автошопы с европейскими лимузинами в громадных витринах, модернистские кафетерии с экзотическими деревьями во внутренних садах, умопомрачительные офисы чуть не полностью из стекла, – немыслимые до сих пор заведения невиданных конструкций вырастали одно за другим, уже одним своим обликом выталкивая из жизни обшарпанные выцветшие трехэтажки, недорогие трактирчики с тряпичными вывесками над входом и лавки дешевых сладостей со всеми их кошками, дремлющими у керосиновых печек среди бела дня. При взгляде на эти улочки в душе рождалось странное ощущение, точно от вида детских молочных зубов – будто вынужден временно жить рядом с тем, что очень скоро исчезнет, сменившись чем-нибудь новым. Сразу несколько банков открыли новые отделения. Похоже, ветер перемен гулял по этим улочкам именно благодаря появлению отеля “Дельфин”. Ведь, что ни говори, а когда такая громадина вдруг вырастает на совершенно безликой, богом забытой окраине – будто нефтяной фонтан вырывается из-под земли на бесхозном пустыре: постепенно и неизбежно начинает меняться весь баланс окружающей жизни. Приходит качественно иной потребитель, возрастает активность населения. Подскакивают цены на землю.

А может быть, все эти изменения – нечто более глобальное? Может, не появление отеля “Дельфин” повлекло за собой перемены, но сам отель – малая часть всех этих Больших Перемен? Скажем, всего лишь один из проектов в долгосрочном Плане реконструкции города...

Я зашел в кабачок, где когда-то уже бывал, выпил сакэ, немного поел. В кабачке было грязно, шумно, дешево и вкусно. Когда хочется перекусить где-нибудь, я всегда выбираю заведение пошумнее. Так спокойнее. И одиночества не ощущаешь, и с самим собой разговаривай вслух, сколько влезет – никто не услышит.

Тарелка моя опустела, но хотелось чего-то еще; я опять заказал сакэ. И вот, отправляя в желудок чашку за чашкой горячей рисовой водки, я наконец задумался: что я делаю и какого черта здесь нахожусь? Отеля “Дельфин” больше нет. Чего бы я ни ожидал от него – все впустую: отель “Дельфин” сгинул с лица земли. Его просто **не существует**. Взамен осталась только эта технократическая уродина, напоминающая сверхсекретную космическую базу из “Звездных войн”... Все это лишь сон, моя запоздалая мечта. Мне они просто приснились – отель, канувший в прошлое, и Кики,

растворившаяся в дверном проеме. Может, и правда – кто-то там плакал по мне. Но все уже кончилось. Ничего не осталось. Чего еще тебе здесь надо, приятель?

Так оно и есть, подумал я. А может, и вслух произнес. **Так и есть, больше здесь ничего не осталось. Мне ничего здесь больше не нужно.**

Стиснув губы, я долго сидел, пристально глядя на бутылку с соевым соусом на стойке перед собой.

Когда долго живешь один, поневоле начинаешь пристально разглядывать что попало. Разговаривать с собой то и дело. Ужинать в шумных трактирчиках. Тайно любить свой подержанный автомобиль. И понемногу отставать от жизни.

Я вышел из трактирчика и направился обратно в отель. Хотя забрел я довольно далеко, найти дорогу назад труда не составило. На какой из улочек ни задрал бы я голову, – отель “Дельфин” громоздился перед глазами. Как те волхвы с Востока, что по звездам в ночи вычисляли свой путь не то в Иерусалим, не то в Вифлеем, – добрался я до отеля “Дельфин”.

Вернувшись в номер, я сразу же принял ванну. Затем, пока сохли волосы, разглядывал ночной Саппоро, раскинувшийся за окном. Из окошка старого отеля “Дельфин”, вспомнил я, просматривалось здание с конторой какой-то фирмы. Что за фирма была, я так и не понял, но явно какой-то офис. Люди бегали по этажам, в делах по самые уши. А я целый день наблюдал за ними из окна. Куда-то теперь подевалась та фирма? Помню, была там одна девчонка – очень даже ничего себе. Что, интересно, с нею стало? И чем все-таки занималась та контора?..

Больше делать было нечего, и какое-то время я бесцельно шатался по номеру. Затем плюхнулся в кресло и включил телевизор. Передачи были одна другой тошнотворнее. Будто мне один за другим демонстрируют все разновидности блевотины, созданной искусственным путем. Поскольку блевотина искусственная, омерзения сразу не наступает. Но стоит поглазеть чуть подольше – и начинает казаться, что она настоящая. Я выключил телевизор, оделся, вышел из номера и отправился в бар на двадцать шестом этаже. Уселся за стойку и принялся за водку с содовой, в которую выдавили лимон. Одна стена в баре была полностью стеклянной – окно от пола до

потолка. Я потягивал водку с содовой и озира́л распростертый внизу ночной Саппоро. Обстановка вокруг напоминала космический мегаполис из “Звездных войн”. Впрочем, должен признать: бар оказался весьма достойным. И выпивку здесь смешивали, как надо. И бокалы качеством не уступали содержимому. Стоило этим бокалам соприкоснуться, как по всему бару расплывался мелодичный, приятный звон.

Не считая меня, в баре было лишь три посетителя. Двое мужчин средних лет в самом укромном углу пили виски и бубнили о чем-то заговорщическими голосами. Уж не знаю, что именно они так таинственно обсуждали – но, похоже, нечто судьбоносное для всего человечества. Скажем, разрабатывали секретный план покушения на Дарта Вэйдера⁵. Кто их знает.

За столиком же справа сидело юное создание женского полу, лет тринадцати-пятнадцати, голова в наушниках от плеера, – и сосало через соломинку какой-то коктейль. Красивый ребенок. Длинные прямые волосы, длинные же ресницы, а в глазах – трогательная **прозрачность**, при виде которой хозяйку их сразу хотелось пожалеть непонятно за что. Пальцы ее выстукивали по деревянной столешнице неведомый ритм; пожалуй, лишь эти пальцы – странным контрастом ко всему прочему в ее облике, – выглядели действительно детскими. Хотя взрослой я бы тоже ее не назвал. Но в ней уже пробудилось то особое отношение к миру, при котором женщина смотрит на все вокруг сверху вниз. Не в плохом смысле, не агрессивно. Просто – как бы тут лучше выразиться – **нейтрально** смотрит на мир сверху вниз, и все. Как на улицу из окна.

В действительности, однако, девчонка вообще никуда не смотрела. Взгляд ее, похоже, не падал ни на что конкретно. На ней были джинсы, белые кроссовки и спортивный джемпер с надписью **“GENESIS”** огромными буквами. Рукава джемпера поддержнуты до самых локтей. Методично и самозабвенно она отстукивала по столешнице ритм, с головой погрузившись в музыку своего плеера. Временами ее губы чуть заметно двигались, подпевая неведомой песне.

– Это у нее лимонный сок, – словно оправдываясь, пояснил бармен, возникнув у меня перед глазами. – Сидит тут, ждет, когда мать вернется...

– Угу, – неопределенно промычал я в ответ. И в самом деле – странная

должна быть картина: пигалица лет тринадцати сидит в ночном баре, слушает плейер и что-то пьет в одиннадцатом часу вечера. Однако не напусти мне об этом бармен, – и я не уловил бы ничего странного. По мне так она смотрелась здесь очень естественно и органично.

Я попросил еще водки и завязал с барменом “светскую беседу”. О природе, о погоде и прочей бесконечно-бессмысленной ерунде. И чуть погодя как бы вскользь обронил – мол, все здесь так поменялось за последние пару лет, не правда ли? На лице его появилось озадаченное выражение, и он сообщил, что до открытия отеля “Дельфин” работал в одном из токийских отелей, и о Саппоро почти ничего не знает. Тут в бар стали подтягиваться еще посетители, и наш разговор завершился сам собой – абсолютно бесплодно.

Я прикончил уже четвертую водку. Чувствовал, что запросто могу выпить еще – но слишком засиживаться не хотелось; ограничившись четырьмя, я расписался на чеке, включив выпивку в общий счет. Когда я встал из-за стойки и направился к выходу, девчонка все так же сидела за столиком и слушала плейер. Мать ее не показывалась, лед в лимонном соке совсем растаял, – но ей, похоже, было на это совершенно плевать. И только когда я поднялся с табурета, она посмотрела прямо на меня. Две-три секунды она разглядывала мое лицо – и вдруг еле заметно улыбнулась. Или, может, ее губы просто дрогнули лишний раз? Так или иначе – мне почудилось, будто она на меня посмотрела. И от взгляда ее – как бы странно это ни прозвучало – в груди у меня что-то дрогнуло. Необъяснимое ощущение – словно эта девчонка **сама выбирала меня...** Странная дрожь в душе, такой я никогда еще не испытывал. Словно взлетаешь над полом на пять-шесть сантиметров.

В полнейшем замешательстве я вошел в лифт, спустился на пятнадцатый этаж и вернулся в номер. “Чего это тебя так разобрало?” – удивлялся я сам себе. “Двенадцатилетняя, или сколько ей там, соплячка осчастливила тебя улыбкой? Да она тебе в дочки годится, кретин!..”

“**GENESIS**” [6](#)... Вот, пожалуйста: еще одна банда с идиотским названием.

Впрочем, то обстоятельство, что на ее джемпере я увидел именно это слово, показалось мне до ужаса символичным. Начало начал.

И все-таки. Какого черта называть таким огромным, всепоглощающим

словом рок-н-рольную банду?

Не разуваясь, я повалился на кровать и с закрытыми глазами попытался восстановить в памяти образ девчонки. Плейер. Бледные пальцы отстукивают по столу ритм. **Genesis**. Растаявший лед в бокале...

Начало начал.

Лежа недвижно с закрытыми глазами, я чувствовал, как во мне медленно циркулирует алкоголь. Я развязал шнурки, скинул ботинки и забрался в постель.

Похоже, я был куда более измотан и пьян, чем воображал. Я лежал и ждал, чтобы какой-нибудь женский голос произнес рядом: “Э, милый, сегодня ты перебрал!” Но никто ничего не сказал. Я был абсолютно один.

Начало начал.

Дотянувшись до выключателя, я погасил торшер. “Опять, небось, приснится отель “Дельфин””, – еще успел подумать я в темноте. Но ничего не приснилось. Открыв поутру глаза, я ощутил внутри лишь какую-то бессмысленную пустоту. Абсолютный ноль, подумал я. Ни снов, ни отеля. Я нахожусь в совершенно вздорном месте и занимаюсь полнейшей ерундой. Походные ботинки валялись на полу у кровати, точно два околевших щенка.

Небо за окном закрывали мрачные низкие тучи. Это небо выглядело таким холодным, что казалось, вот-вот пойдет снег. Посмотришь в такое небо – вообще ничего делать не хочется. На часах пять минут восьмого. Ткнув пальцем в пульт дистанционного управления, я включил телевизор и, не вылезая из постели, стал смотреть программу утренних новостей. Ведущие долго рассказывали что-то о предстоящих выборах. Минут через пятнадцать я плюнул, выключил телевизор, встал и поплелся в ванную, где сполоснул лицо – и принялся за бритье. Для пущей бодрости я решил мурлыкать увертюру из “Женитьбы Фигаро”. Вскоре, однако, поймал себя на том, что вроде как мурлычу увертюру из “Волшебной флейты”. Чем больше я старался вспомнить, что откуда, – тем лишь сильнее запутывался. За что бы ни взялся я в это утро – все наперекосяк. Бреясь, порезал щеку. Надев сорочку, вдруг обнаружил, что на манжете оторвана пуговица.

В ресторане за завтраком я снова увидел ее – вчерашнюю девчонку из бара. В обществе взрослой женщины – матери, надо полагать. Никакого плеера при ней уже не было. Одета во все тот же джемпер с надписью “GENESIS”, она сидела за столиком и с невыносимой скукой на физиономии прихлебывала чай. Ни к ветчине, ни к яичнице перед собою почти не притронулась. Ее мать – да, судя по всему, именно мать, – оказалась миниатюрной женщиной лет сорока или чуть больше. Волосы собраны в узел на затылке. Свитер из верблюжьего кашемира поверх белоснежной блузки. Брови – точь-в-точь как у дочери. Нос очень правильный, аристократической формы. **Томная затруднительность**, с которой она намазывала себе бутерброд, выдавала в ней натуру, привыкшую очаровывать собой всех и вся. В ее движениях сквозило нечто такое, что могут позволить себе лишь женщины, постоянно находящиеся в центре внимания.

Когда я проходил мимо их столика, девчонка вдруг подняла взгляд и посмотрела мне прямо в лицо. И весело улыбнулась. На этот раз – совершенно отчетливо, совсем не так, как вчера. Ошибки быть не могло...

Завтракая в одиночку, я пытался занять чем-то голову, но после воспоминания о ее улыбке больше ни о чем толком не думалось. За какую бы еще мысль я ни брался, в мозгу лишь прокручивались одинаковые слова – и ничего не происходило. Поэтому я просто завтракал в одиночку, разглядывая перечницу перед носом, – и не думал вообще ни о чем.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)